

TOPICAL DIALOGUES

Исследовательский центр «Регион»

АКТУАЛЬНЫЕ ДИАЛОГИ О БЕЗОПАСНОСТИ

Исследование проведено в рамках проекта Армянского института международных отношений и вопросов безопасности (АИМОБ) "Улучшение обсуждений по политике безопасности в Армении"

Мы в Интернете:

www.regioncenter.info

www.publicdialogues.info

<https://www.facebook.com/RegionCenter?fref=ts>

ДИСКУРС ВНЕШНЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ И УГРОЗ В АРМЯНСКИХ МЕДИА НАКАНУНЕ 2016 ГОДА: ОБЩИЙ КОНТУР

Лаура Багдасарян
Директор Исследовательского центра "Регион"

29 января 2016

“Все мы заложники медиаугара, заставляющего нас верить в войну..., и симулякр войны удерживает нас словно под домашним арестом...Мы все стратегические заложники *in situ* (лат. на месте): наше место – экран телевизора, где мы ежедневно подвергаемся виртуальной бомбардировке”.

Это описание реальной войны и транслируемых о ней картинках известного философа и культуролога Жана Бодриайра¹, вплоть до последнего времени, можно было считать классической формулой восприятия действительности «не здесь, но сейчас». Сегодня вернулись времена горячих и реальных войн, о течении и существовании которых в разных обществах в разных странах узнают не только из видеосюжетов, но и, скажем, из последствий, проявляющихся в своих местах проживания.

Например, до того, как огромный поток беженцев из ближневосточного и других регионов заставил старожилов Европы столкнуться с реальными военными действиями там, Сирийская война, как сказал бы Бодриайр, была всего лишь потоком видео картинок для европейских обществ. Как до этого символами были Афганистан, Ирак, Ливия и другие горячие точки.

¹ Жан Бодриайр, Войны в заливе не было, <https://bookmate.com/books/U5Lkt96C>

Даже теракты в Париже в конце 2015 года, которые всем наглядно продемонстрировали паутину международного терроризма в действии, в плане восприятия реальной угрозы войны «не здесь, но сейчас», не имели такого воздействия, какое оказали разномастные людские потоки, хлынувшие на жителей Европы из ряда горячих точек. Ведь террористические атаки имеют какое-то начало и конец. Они могут даже быть конкретно датированы. Но беженцы – это долговременное обстоятельство, и они несут с собой финансовые, межэтнические, ментальные, межкультурные и ряд других глубинных проблем, они способны подорвать устоявшиеся и отточенные десятилетиями системы. А самое главное, они локализируют на новом месте прежнюю реальность «не здесь, но сейчас».

Карты безопасности и угроз основных участников международных процессов, развивающихся на данный момент, несравненно шире и многомерны по сравнению с армянской картой. Но многие из них сказываются в разных масштабах на безопасности Армении и Нагорного Карабаха.

В этот сумбурный и динамичный для мира период те или иные угрозы пересматриваются, им заново даются определения, сопровождаясь, порою, полярными обоснованиями. Тем более, что из-за специфики текущего времени и широкого интернет доступа даже события, происходящие на краю земли, воспринимаются на эмоциональной волне, оставив сухой остаток - «сейчас везде опасно».

По данным наших (глубинных и частичных) исследований общественного дискурса в Армении, проведенных в разное время, международный терроризм, сирийская война, российско-западная, российско-украинская напряженность в армянском дискурсе как угрозы находили свои среднemasштабные и маломасштабные отражения.

Скажем, исследование 15 армянских СМИ, показало, что в списке 21 тем, составивших их международную информационную ленту на тот период (июнь 2015 г.), тема безопасности и угроз (столкновения в различных странах, вылазки Исламского государства, связанные с ними другие процессы) занимала только четвертое место. Теме Карабахского конфликта отводилось 3% от огромного объема материалов о других странах и их союзах, выпущенных в течение одного месяца. Примерно столько, сколько занимали темы культуры, деятельности армянской диаспоры, внутренних процессов в международных организациях.

Первые строки рейтинга стран, освещенных чаще остальных, занимали Россия, США, Азербайджан и Турция. Из них только Россия и Азербайджан рассматривались с позиции их взаимоотношений с Арменией. В случае с остальными странами и

международными организациями события и процессы представлялись в качестве явлений, развивающихся параллельно с армянскими реалиями или составляющих общий фон.

Иными словами, угрозы безопасности этих стран представлялись без проекций на армянскую действительность. Различные взрывы и террористические акции, произошедшие в Турции в ходе первого раунда парламентских выборов в июне 2015г, также освещались как чужие, далекие от Армении проблемы. Сирийская война, вся украинская тематика освещались с аналогичным подходом, эти сюжеты привязывались к армянским реалиям, рассматривались под лупой интересов армян либо опосредованно (как интересы союзных стран в этих вопросах), либо в виде сюжетных линий о развале еще одной ближневосточной старейшей армянской диаспоре, об угрозах физической безопасности сирийских армян².

Сейчас иная ситуация. Война как способ решения геополитических, геоэкономических и внутривосточных вопросов декриминализовалась в международном масштабе, и неизвестно, когда будет установлен так называемый новый мировой порядок.

А два процесса (по сути, провал 20-летнего режима прекращения огня в зоне армяно-азербайджанского конфликта и обострение российско - турецких политических отношений) уже существенно сконцентрировали в себе все то, что до этого рассматривалось как бы со стороны и беспрецедентно актуализовали в общественном дискурсе вопросы безопасности.

² См. Практика и возможности формирования картины мира в армянских СМИ, <http://regioncenter.info/sites/default/files/The%20World%20in%20Armenian%20Media%20%28EN%29.pdf>

РЕАЛЬНЫЕ И ВИРТУАЛЬНЫЕ КАРТИНЫ АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ВОЙНЫ

В течение последних 1,5 лет характер столкновений на армяно-азербайджанских границах постоянно и динамично изменялся, постепенно формируя ощущение, что так называемое относительное затишье середины 2000-х годов³ уже нарушено распространенным ощущением начала или близости реальной войны.

Хотя размышления о вероятности возобновления войны в армянском дискурсе и различных международных кругах озвучивались периодически, с относительно продолжительными паузами, но их лейтмотив не выходил за рамки утверждений, что “угрозы о возобновлении войны оглашаются исключительно для внутриазербайджанских и международных кругов”, что “ угроза войны имеет исключительно внутривнутриполитическую направленность” и т.д.

По сути, режим прекращения огня в основном сохранялся, а отдельные перестрелки на линии соприкосновения и данные о боевых потерях, которые в целом не слишком изменились из года в год, воспринимались как отдельные эпизоды, выпадающие из общей картины.

Размышления о вероятности возобновления войны в основном оставались на теоретическом уровне благодаря политическим переговорам, ведущимся так или иначе, но с определенной периодичностью, а также благодаря коммуникационным каналам, действующим между армянскими и азербайджанскими общественными организациями.

На этом этапе на фоне азербайджанской пропагандистской мантры “Если нет, то мы пойдём на войну” все заявления о “новой Карабахской войне” в широких слоях армянского общества воспринимались как речи, произносимые в высших политических атмосферах.,

Все стало другим, когда переговорный процесс за годы сузился до вопросов восстановления режима прекращения огня, дедэскалации напряженности, расследования инцидентов нарушений этого режима. Межобщественные коммуникационные каналы были закупорены, и параллельно отдельные перестрелки между армянскими и азербайджанскими вооруженными силами переросли в целостные боевые операции, длившиеся несколько дней.

³ По результатам различных соцопросов в армянском обществе Карабахский конфликт как угрозу отмечали не в первую, и не во вторую очередь. См., например, “Армения и Азербайджан на перепутье “ни мира, ни войны”, Ереван, 2005.

В результате этой трансформации и увеличения количества боевых потерь с каждой из (армянской и азербайджанской) сторон в 1.5 раза⁴, к концу 2015 года мы оказались в ситуации, которая была охарактеризована как “напряженность, дошедшая до пика” (министр обороны РА С.Оганян, 9 декабря), как “война, у нас по сути уже нет режима прекращения огня” (пресс-секретарь МО РА Арцрун Ованнисян, 22 декабря), и как конфликт, дошедший уже до “достаточно горячей стадии” (генсек ОДКБ Николай Бордюжа, 28 декабря).

В условиях провалившегося режима прекращения огня это дошедшее до пика напряжение, этот находящийся в достаточно горячей стадии конфликт, по сути, это застрявшая на “красной линии” такая ситуация, какой не было за прошедшие два десятка лет. Вот почему актуализировался и вопрос внешних гарантов и гарантий, которые до этого затрагивался от случая к случаю.

Как поступит ОДКБ как организация по безопасности в случае тех или иных шагов Азербайджана, при тех или иных сценариях развития ситуации – традиционный вопрос, с которым обращалось журналистское сообщество Армении к различным представителям России и ОДКБ. Вопрос, кажется, был закрыт в декабре 2015 года, когда произошло, по сути, не то чтобы тестирование, а публичная демонстрация внутреннего отношения в ОДКБ к наиболее значимым для армянской стороны вопросам безопасности. А именно, когда более громогласно было продемонстрировано, что карабахские катаклизмы – это проблемы Армении и России, так как президент Азербайджана “наш товарищ”.

8 декабря в зоне армяно-азербайджанского конфликта впервые после установления режима прекращения огня (с 1994 г.) азербайджанская сторона применила танк. Сбитый годом раньше (ноябрь 2014 г.) во время военных учений армянский военный вертолет (кстати, это также был первый случай прицельного уничтожения авиации противника с момента установления режима прекращения огня) стал темой в большей мере для различных аналитических отчетов, нежели поводом для международной политической и особенно ОДКБ-овской реакции.

Судя по комментарию в прессе начальника Генштаба вооруженных сил РА Ю.Хачатурова, 9 декабря на заседании Военного комитета ОДКБ он пытался синицировать дискуссию по карабахским столкновениям (“Все участники согласились, что нужно приложить максимум усилий для предотвращения развития подобных акций в дальнейшем”). Но именно этот комментарий вызвал настоящий скандал. Пресс службы МО Беларуси, Казахстана и Киргизии в своих разъяснениях

⁴ Несмотря на то, что различные армянские и азербайджанские источники приводят разные данные по боевым потерям и раненым в собственных армиях, все равно, в течение 2015 года количество потерь каждой из сторон в 1.5 раза было больше чем в 2014 г. Так, в 2015 г. погиб 41 армянский военнослужащий, в 2014 г. их было 28. Хотя азербайджанские источники не оглашают реальные данные о своих боевых потерях (полагаю, что часть презентуются общественности в качестве так называемых не боевых потерь), но и эти опубликованные показатели свидетельствуют об увеличении количества погибших азербайджанских военнослужащих 1.5 раза (в 2015 г. – 37, в 2014 г. – 24 погибших). На фоне открытых данных по потерям армянской стороны Азербайджан скрывал свои аналогичные показатели с целью сформировать ощущение «триумфа» азербайджанской армии. Но в конце года количество боевых потерь было представлено в соответствии с результатами армянской стороны.

для азербайджанской прессы заявили, что никто не давал представителю Армении мандата выступить с подобным заявлением.

После всего этого выступление президента РА на саммите ОДКБ (21 декабря), что ОДКБ - это не НАТО, так как здесь не работает принцип “один за всех, и все за одного”, и что ОДКБ – организация, где собственные интересы часто противоречат общим интересам⁵ в армянских общественных кругах было воспринято со сдержанным удовлетворением. Хотя это заявление есть исключительный пример публичного официального протеста против безразличия к интересам Армении со стороны ее союзников по безопасности.

АРМЯНСКИЕ МОТИВЫ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОГО ОБОСТРЕНИЯ

Они особо активно стали крутиться в период первого шока, наступившего после сбитого Турцией российского СУ-24 (24 ноября). Шок, который проявился во всех российских СМИ в виде грубых расхаживаний по всем болезненным струнам армяно-турецких противоречий.

Будто, довольно интенсивное российско - турецкое сближение предыдущих лет проходило по требованиям не исключительно российских, а армянских интересов, и будто на армянской стороне это сближение должно было быть принято информационными салютами приветствия.

Путин может лишить Турцию 30% ее территорий⁶, Турция открывает Карабахский фронт⁷, Турция продвигает танки к границам Армении⁸, Тысячи российских военных

⁵ “Конечно, у каждой страны свои интересы, свои приоритеты, но это не должно противопоставляться нашим общим интересам и взаимным обязательствам. Каждый раз, когда Вооруженные силы Азербайджана применяют стрелковое оружие всех калибров, минометы и артиллерийские установки против Республики Армения, они стреляют по Астане, Душанбе и Бишкеку, по Москве и Минску. Напомню, что у нас есть соответствующая статья в Уставе. И если мы не только не применяем эту статью, не обсуждаем сложившуюся ситуацию, не считаем нужным взять трубку и поинтересоваться, что же происходит в союзнической Армении, но при этом еще и голосуем против интересов союзника в международных организациях, принимаем двусторонние декларации с третьими странами, текст которых направлен против союзников по ОДКБ, то мы просто подставляем под эти выстрелы всю нашу Организацию, ее престиж, ее значимость”. Из выступления С.Саркисяна на саммите ОДКБ в декабре 2015 г.
(<http://www.Iragir.am/index/rus/0/politics/view/45994#sthash.AJtcelhT.dpuf>)

⁶ Путин может лишить Турцию 30% ее территорий (карта), www.168.am/2015/11/28/568023

⁷ Турция открывает Карабахский фронт,
http://news.rambler.ru/head/32062901/?utm_source=facebook&utm_medium=sharing

⁸ Турция продвигает танки к границам Армении,
<http://videochart.net/video/06804.03184e407e24fb493ade15fec875>

развёртываются на армяно-турецкой границе,⁹ и целый ряд подобных публикаций проникали в армянские СМИ из различных зарубежных информационных ресурсов, в том числе - подозрительного происхождения. Были и полностью заблудившиеся комментарии, в которых подчеркивалась стратегическая значимость для армянских интересов российско-турецкого обострения¹⁰.

Подобные колебания в армянских медиа очень быстро были преодолены и сбалансированы сдержанными оценками, что, возможно, может показаться удивительным, но лучше всего объясняется в следующей формулировке:

"Российская внешняя политика остается непредсказуемой. Не удивлюсь, если через некоторое время мы будем наблюдать также неожиданно вспыхнувшую российско-турецкую дружбу и "любовь до гроба". Вопрос в том, чей это будет гроб. Наша задача, чтобы он не был армянским".¹¹

Российско - турецкое обострение также под другим аспектом представило тему широкомасштабной Карабахской войны. Мнения, высказывающиеся по ней, также противоречивы, какими взаимоисключающими остаются утверждения о том, может ли Алиев для консолидации общества вокруг своей власти в нынешний период внутренней напряженности Азербайджана пойти на широкомасштабную войну против армян¹²

Есть также утверждения, что для озабоченной собственными проблемами Анкары абсолютно неуместен вариант выступления против России посредством Карабахской войны.

"Это вовсе не означает, что Анкара больше не заинтересована в том, чтобы поддержать Баку против Еревана и Степанакерта, просто возникший в российско-турецких отношениях острый и углубляющийся кризис открывает совершенно новые перспективы перед режимом Эрдогана, в контексте которых для достижения успеха турецкая сторона обязана установить определенную последовательность шагов, а в

⁹ Тысячи российских военных развёртываются на армяно-турецкой границе, <http://warfiles.ru/show-101439-smi-tysyachi-rossiyskih-voennyh-razvertvyayutsya-na-armyano-tureckoy-granice.html>

¹⁰ Не кричать от радости: Россия собирается расторгнуть Карсский и Московский договоры, <http://hartak.am/arm/n-51103#sthash.BPwX2abj.ho5ooFNC.dpuf>

¹¹ Справиться с угрозами и вызовами в условиях цен на нефть ниже \$30 Армении и Арцаху будет не менее сложно, чем при \$100, <http://arminfo.am/index.cfm?objectid=F5A36310-BF51-11E5-86C10EB7C0D21663>

¹² Например, еще до внутривнутриполитических обострений в Азербайджане, которые стали особенно явно проявляться с первых дней нового 2016 года посредством вспыхнувших в разных регионах страны акций протеста, в армянских экспертных кругах высказывались мнения, что И. Алиев может пойти на военные действия по всему периметру карабахского фронта, Ибо так он может снова закрепить свои позиции перед протестными силами. Но с первыми же проявлениями этих внутренних неурядиц Азербайджана стали звучать прямо противоположные утверждения. А именно, что инициирование войны в подобных условиях будет означать для Алиева собственноручное приближение своего политического конца.

данный момент возобновление военных действий в Арцахе может необратимым образом нарушить и провалить все дело”¹³.

По сути, поставка российских вооружений армянской и азербайджанской сторонам - единственный вопрос, который вызывал консенсус всех кругов армянского общества.

Говорилось не только о том, почему Россия, являющаяся сопредседателем МГ ОБСЕ, и взяв на себя обязательство по гарантированию безопасности Армении, вообще вооружает вражеский Азербайджан, но и о том, что поставляющиеся Армении и Азербайджану вооружения разные по своим характеристикам и возможностям.

После первого российско-турецкого военного столкновения различные армянские, в том числе и официальные круги предпринимают попытки обратить внимание России на то, что в результате еще большей эскалации ситуации, поставленное Азербайджану оружие может быть направлено не только против армян, но и против российских военнослужащих¹⁴:

В этом контексте отношение к НАТО, и в частности к США лучше, чем к ОДКБ. Так как именно они могут сдерживать Турцию от посягательств, направленных против Армении, из-за еще большей эскалации российско-турецкой напряженности.

Есть мнение, что НАТО выступает в роли сдерживающей силы для Турции. С таких же позиций выступает США, так как именно с ней, в конце концов, обсуждаются все болезненные для Турции вопросы. Азербайджано-турецкий альянс по военной взаимопомощи является вопросом, который НАТО и США предпочитают пока активно не рассматривать¹⁵.

В условиях российско-турецких напряженных взаимоотношений оснащение двух российских баз живой силой и видами современного оружия в свою очередь

¹³ Власть Алиева уже очень близка к провалу – Азербайджан подвергнется реформированию, <http://www.1in.am/1818416.html>

¹⁴ Обострение российско-турецких отношений “отрицательно сказывается” на Армении, <http://www.azatutyun.am/content/article/27470534.html>, Власти уже почувствовали угрозу российского военного рычага?, <http://www.aravot.am/2016/01/16/647860/>

¹⁵ Понятие «гарантии безопасности», <http://www.lragir.am/index/rus/0/comments/view/46089>

рассматривается не как укрепление безопасности Армении, а, наоборот, с одной стороны, как еще один шаг к ослаблению суверенности Армении, а с другой стороны – как повод для прямых турецких военных операций де-юре против российских сил, де-факто - против Армении.

Ведь, в случае развития событий по сценарию обострения турецкие силы могут и ударить по российским силам, находящимся на территории Армении, и потом уже будет не важно, были ли действительно объекты, подвергнувшиеся обстрелу, российскими, или произошла досадная ошибка, и пострадали мирные населенные пункты Армении. Кроме того в связи с переоснащением и усилением армяно-российской системы противовоздушной обороны ряд аналитиков ставит конкретный вопрос – кто будет принимать решение стрелять, или нет, и по кому стрелять?

В армяно-азербайджанском и армяно-турецком (важнейших для Армении и Нагорного Карабаха) взаимоотношениях происходят серьезнейшие трансформации, которые отныне следует рассматривать в общих координатах процессов, происходящих с гарантами безопасности армян и азербайджанцев.

Это - первые признаки понижения порога самочувствия по безопасности Армении и Нагорного Карабаха, хотя спад порога безопасности произошел у всех. Очевидный сухой остаток от ряда цепных международных процессов, идущих в последнее время – ощущение, что “сейчас опасно везде”, которое было доставлено в различные концы мира беженцами, направившимися с юга на север, с востока на запад подальше от старых и новых войн.

Общий знаменатель этих международных процессов – перемещение войны из своих виртуальных измерений в реальные регионы, международная декриминализация войны как способа решения геополитических и внутривосточных вопросов.

На этом фоне столкновений между армянскими и азербайджанскими силами, особенно во второй половине 2015 г., которые напоминали не отдельные перестрелки, а целостные военные операции, в армянском политическом дискурсе маргинализировался распространенный до этого тезис о необходимости мирного урегулирования отношений с Азербайджаном. А в условиях успешного, по большому счету, провала режима прекращения огня, ожидания от политических переговоров стали проявлением политического романтизма. И это, пожалуй, можно считать пропагандистским (но не стратегическим и политическим) достижением азербайджанской стороны.

Угрозы со стороны Азербайджана, раздающиеся в течение всего периода прекращения огня, в армянской широкой общественности (но не в военных кругах) воспринимались как речи из высших политических атмосфер, как некая политическая виртуальность. Вот почему армянские аналитические круги этому озвучиванию военных угроз противопоставляли в основном две внешнеполитические аргументы: во-первых, что никто не позволит Азербайджану идти на войну, так как это не отвечает финансово-экономическим и геополитическим интересам внешних крупных игроков, и во-вторых, что независимо от результатов этой новой войны для армян и азербайджанцев, у внешних гарантов появится новая головная боль, связанная с необратимостью выступления теперь уже друг против друга.

Но, как говорится, суббота наступила раньше пятницы, и в конце прошлого года мы получили факт столкновения со всеми этими обстоятельствами одновременно.

Приграничная ситуация между армянами и азербайджанцами подошла вплоть до “красной линии” широкомасштабной войны, которую Азербайджан еще может переступить в условиях своего предельно сложного внутривосточного и финансово-экономического состояния. Какая разница, военные действия между армянскими и азербайджанскими вооруженными силами на фронте реально идут без официального объявления войны, как это было в течение

последних полтора года, или после торжественного объявления?

Российско-турецкое обострение 2015г. было принято армянской стороной почти с такой же напряженностью, с какой озабоченностью воспринималось российско-турецкое сближение, развивающееся быстрыми темпами до этого. И, если это сближение (которое достигло своего апогея в декабре 2014 г. заключением ряда двусторонних соглашений на фоне начала западных санкций против России) беспокоило армянскую сторону в плане возможного российско-азербайджано-турецкого политического сговора, то нынешнее обострение может Армению просто превратить в площадку для российско-турецких военных операций. И в этом случае станет исключительно невозможным оставаться вдали от "чужих войн и столкновений", что удавалось Армении в предыдущие годы (российско-грузинская война 08.08.08, российско-украинская война 2014 г).

Причем, если до ноября 2015 г. участие Турции в военных действиях против Армении было возможно с так называемых вторых позиций (Турция могла вступить в войну против Армении и Нагорного Карабаха в качестве стратегического партнера и братской страны Азербайджана), то в случае дальнейшей эскалации российско-турецкой напряженности Турция может выйти на первые позиции для военных операций против Армении.

Новые документы по армяно-российской ПВО, которые были заключены в декабре прошлого года министрами обороны Армении и России, пока не снимают опасений, а еще более укрепляют их по поводу наслоения чужих (российско-турецких) трений на собственной (Карабахской) войне.

Есть еще одна интересная метаморфоза. И она связана с системами коллективной безопасности. В том же декабре, на фоне скандального, и, очевидно, окончательного падения ОДКБ в глазах армянской общественности, НАТО пока сохраняет свою прежнюю репутацию сдерживающей силы Турции.

Ведь в случае еще большего нарастания российско-турецкого напряжения именно НАТО будет обязано выступить против российской армии. Развитие последних процессов на Ближнем Востоке и, в первую очередь, возвращение Ирана на международные площадки показывают, что этот вариант рассматривается в НАТО в самую последнюю очередь.